

▶ ПРЕМЬЕРА

КУДА ПОЙТИ

В середине апреля в Национальной опере “Эстония” произошло два знаковых события: премьера оперы П.И.Чайковского “Пиковая дама” и 70-летний юбилей художественного руководителя театра Арне Микка. По счастливой случайности оба события совпали по времени.

“Пиковая дама”

“Я

давно мечтал поставить на нашей сцене эту гениальную оперу Чайковского, — признался Арне Микк. — Но все как-то не получалось: то не было подходящего состава солистов, то определенных условий в театре. Да и самому необходимо быть достаточно зрелым человеком, ведь не каждому “Пиковая дама” готова открыть свою тайну”.

Что ж, резонные замечания. К счастью, все необходимые составляющие наконец-то сошлись в одной точке, и, судя по первым

прошедшим спектаклям, можно сказать, что в целом это очень яркая работа всего творческого коллектива во главе с маэстро Эри Класом, с любовью и глубоким пониманием прочитавшим сложнейшую партитуру Чайковского.

В духе Всеволожского

Арне Микк, сам в прошлом певец, в отличие от новомодных режиссеров, для которых оперная сцена — это прежде всего

площадка для экспериментов, придерживается традиционного взгляда на оперу, подчиняя все музыкальной драматургии Чайковского. Сделаны лишь две незначительные купюры: действие начинается не с хора и бытовой сценки, рисующей детей, играющих в горелки в Летнем саду, а с появления Германа — чрезвычайно эффектного — из “колоды карт”. Слегка сокращена и третья картина — интермедия-пастораль “Искренность пастушки” — в части танцевальной, что, впрочем, не нарушает целостности картины, поставленной с изяществом, вкусом и разнообразием — совсем в духе директора императорских театров Всеволожского, по заказу которого “Пиковая дама” — за 44 дня! — и была написана Чайковским.

Вообще, как ни странно, нынешняя премьера, судя по рецензиям более чем столетней давности, в чем-то напоминает постановку в Мариинском театре в 1890 году: “...так много красот музыки, обстановки, постановки, чудного сочетанья цветов костюмов...” Правда, в отличие от Всеволожского, настаивавшего на

лет спустя

перенесении действия оперы в XVIII век, Арне Микк решил придерживаться первоисточника — пушкинской повести. Огромная коробка для игральных карт с надписью “Санкт-Петербург. 1830” явно на это намекает, хотя в постановке встречаются отдельные анахронизмы (те же парики).

Герман с пистолетом

Что касается сюжетной основы и трактовки образов главных героев, то здесь режиссер практически точно следует либретто оперы, написанному братом композитора Модестом Ильичом Чайковским. Хотя “наш” Герман и стреляется, а не закалывает себя кинжалом, как в либретто оперы, и в сцене в спальне Графини герой не может оторвать взгляда от мраморного бюста “московской Венеры”, а не от ее портрета, все это не так уж принципиально важно.

Герман Чайковского — в отличие от пушкинского Германна, человека “с душой Мефистофеля”, одержимого лишь жадой денег, —

несчастный, страдающий, мечущийся между любовью к Лизе и страстью к карточной игре и выигрышу любой ценой. Александр Антоненко (Герман) создает очень живой, полнокровный образ в развитии, вызывающий симпатию и сострадание. Вот только никак не понять, почему на свидание с Лизой герой приходит с пистолетом? И уж совсем явное несогласие с решением постановщика вызывает сцена в казарме. Одна из самых сильных (наряду со сценой в спальне Графини) в музыкальном отношении картин, где Герману является призрак Графини, выглядит скорее внешне эффектной, чем по-настоящему страшной: выезжающий на колесиках гроб, из которого встает молодая Графиня, безусловно, впечатляет, но и только.

Порой вкус и чувство меры изменяют авторам новой постановки. Замечательный мастер, художник Эльдор Рентер, создавший костюмы, каждый из которых — произведение искусства, достойное находиться в музее, — перегрузил и без того

маленькую сцену оформлением — огромными, ярко нарисованными картами, подчеркнув то ли иллюзорность происходящего, то ли кукольность карточного мира. Мысль достойная, но уж слишком назойливо звучащая. Признаться, я бы предпочла и более сдержанную цветовую гамму и в костюмах, и в оформлении. Впрочем, каждый художник имеет право на собственное решение, главное — чтобы оно было продиктовано любовью и стремлением донести мысли и идеи автора. На мой взгляд, новая постановка “Пиковой дамы” делалась с любовью — всеми, кто принимал в ней участие, от режиссера Арне Микка до исполнителя маленькой роли Сурина Леонида Савицкого. Вернемся к рецензии 1890 года: “Опера эта — как либретто, как музыка, как постановка — заключает в себе такую массу красот, оригинальности, вкуса и разнообразия, что ей с уверенностью можно предсказать громадный успех и что она сделает громадные сборы”.

Тамара УНАНОВА

Фото: Стас Мошков